Въ Польшѣ [1])

(1863—1867).

I. Послѣ возстанія.

Говоря о пребываніи моемъ на Кавказѣ въ 1861—3 годахъ[2]), я забылъ или, пожалуй, намѣренно обошелъ одинъ вопросъ, имѣвшій однако въ ту пору очень крупное значеніе. Разумѣю вопросъ о политической благонадежности арміи. Слова эти какъ-то странно звучали тогда въ ушахъ насъ, воспитанниковъ николаевскихъ военныхъ школъ и офицеровъ безотвѣтной николаевской арміи, да отчасти кажутся странными и теперь... И однако же это было такъ именно въ 1861—3 годахъ. Вслѣдствіе политическихъ волненій, а потомъ и открытаго возстанія въ Польшѣ, множество офицеровъ оставили службу, чтобы не участвовать въ отвратительномъ междоусобіи; другіе—и конечно, главнымъ образомъ, польскіе уроженцы—не только повыходили въ отставку, но просто «утекли до лясу», какъ говорилось тогда, т.-е. ушли въ дружины повстанцевъ. Настроеніе лицъ, остававшихся въ рядахъ войскъ, также не всегда соотвѣтствовало деспотическимъ видамъ правительства, и многіе коренные русскіе открыто порицали послѣднее за упорство въ непредоставленіи полякамъ разныхъ вольностей, хотя бы по тому соображенію, что, если будетъ задавлена силою Польша, то не видать нѣкоторой свободы и Россіи. А между тѣмъ свободы этой хотѣлось многимъ, очень многимъ, по крайней мѣрѣ изъ молодежи. Вотъ почему «либеральный» военный министръ, Дм. Милютинъ, какъ разъ въ 1861 году вступившій въ управленіе министерствомъ, сильно озабочивался искорененіемъ политической неблагонадежности въ рядахъ офицерства. Онъ чуть не на другой день по своемъ всту-

---

[1]) Воспоминанія эти принадлежатъ перу извѣстнаго русскаго географа и путешественника Михаила Ивановича Венюкова, († 1901 г.) и относятся къ моменту, когда Венюковъ, бывшій воспитанникъ петербургскаго университета и военной академіи, занималъ должность уѣзднаго начальника въ Ленчицахъ, а затѣмъ предсѣдателя люблинской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Въ 1895 г. покойнымъ авторомъ воспоминанія были изданы въ Амстердамѣ (съ 1877 г. В. жилъ за границей).

[2]) См. «Рус. Арх.» 1880 г. т. I.

пленіи въ должность отдалъ подъ судъ Энгельгардта, Богдановича и др. гвардейцевъ, которые заявили сочувствіе даже не полякамъ, а только безвинно гонимымъ студентамъ; по отношенію же къ лицамъ, имѣвшимъ польскія симпатіи, было принято за правило: увольнять отъ службы всѣхъ «сомнительныхъ» изъ генеральнаго штаба, гвардейской артиллеріи, инженеровъ и т. п., изъ военной интеллигенціи, а что до арміи, то въ ней приказано полковымъ и другимъ командирамъ имѣть глаза и глаза. Особенно,—какъ носились слухи,—министерство было напугано донесеніемъ одного генерала (Полтинина, Полторанова или что-то въ этомъ родѣ), что онъ считалъ опаснымъ передвиженіемъ его дивизіи (кажется 9-й) изъ Черниговской губерніи на театръ войны, въ Польшу, потому что между чинами этой дивизіи распространено было въ сильной степени сочувствіе къ полякамъ. Оторопѣлый министръ не зналъ, что дѣлать, и поспѣшилъ смѣнить мнительнаго генерала, вѣроятно въ надеждѣ, что новый начальникъ быстро искоренитъ крамольный духъ.—На Кавказѣ, гдѣ войска были заняты непрерывной войной и слѣдовательно вѣчно находились въ сборѣ, подъ глазами властей, въ виду непріятеля, не возбуждавшаго политическихъ симпатій и притомъ вдали отъ театра гражданскихъ волненій, движеніе умовъ между офицерами, разумѣется, было мало замѣтно; однако и тамъ оно не оставалось ничтожнымъ. Одинъ мой академическій товарищъ, подполковникъ Владычанскій, бывшій на лучшемъ счету въ кавказскомъ генеральномъ штабѣ, ушелъ въ польскія банды и притомъ съ такою смѣлостью, которая представляла нѣчто удивительное. Онъ прямо пошелъ къ начальнику штаба, Карцеву, и попросился въ отпускъ «на родину» на четыре мѣсяца. Имѣя въ виду, что отпуски въ Польшу польскимъ уроженцамъ были вовсе запрещены и зная горячій патріотизмъ Владычанскаго, Карцевъ старался его «вразумить», убѣждая тѣмъ, что онъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ больше принести своей родинѣ пользы, оставаясь на службѣ, чѣмъ уходя въ ряды повстанцевъ; но Владычанскій былъ непреклоненъ и говорилъ, что совѣсть не позволяетъ ему служить правительству, которое угнетаетъ его соплеменниковъ. Карцевъ, чтобы отдѣлаться отъ него, отпустилъ его на три недѣли въ Петербургъ, предоставивъ хлопотать о болѣе продолжительномъ отпускѣ у генералъ-квартирмейстера (Ливена или Веригина). Владычанскій поѣхалъ, выпросился въ Берлинъ для леченія глазъ и черезъ недѣлю былъ убитъ въ первой же стычкѣ съ нашими войсками той банды, въ которой онъ находился. Замѣчательно, что при отъѣздѣ съ Кавказа онъ, въ отрядѣ Геймана, обошелъ палатки всѣхъ офице-

ровъ-поляковъ и прощался съ ними «до свиданія тамъ» (т.-е. на родинѣ и даже въ лѣсу), но никто его не выдалъ. Другой видный офицеръ войскъ Кубанской области, ушедшій къ повстанцамъ, былъ графъ Гауке, подполковникъ ставропольскаго полка, а до того адъютантъ военнаго министра и вдобавокъ—родственникъ императрицы Маріи Александровны. Онъ быстро сдѣлался извѣстенъ въ Польшѣ подъ именемъ Босака и впослѣдствіи умеръ, сражаясь противъ пруссаковъ во Франціи, подъ знаменами Гарибальди... Впрочемъ, такіе открытые энтузіасты были рѣдки, но многіе офицеры и чиновники-поляки дѣйствительно, хотя и втихомолку, обдѣлывали «польскую справу» даже въ Кубанской области. Таковы, напр., были: въ генеральномъ штабѣ полковникъ Ш....кій, въ коммиссаріатѣ полковникъ Р....ъ, у казаковъ бригадный командиръ Н....ъ и полковой Р.....кій, въ интендантствѣ—чиновникъ М...ь, и т. д. Только они ограничивались посылкой денегъ повстанцамъ и кое-какими политическими манифестаціями въ тогдашнемъ вкусѣ. М....ь, напримѣръ, носилъ чамарку, жена Н...а—конфедератку, Ш....кій и Р....ъ служили какую-то подозрительную панихиду въ ставропольскомъ костелѣ и т. п. Одинъ строевой драгунскій офицеръ, Ж....а, котораго родственникъ былъ русскимъ консуломъ въ Малой Азіи, доставлялъ въ войска «Колоколъ» со статьями за Польшу. Но, впрочемъ, большинство офицеровъ-поляковъ (а ихъ было много на Кавказѣ) стояло въ сторонѣ отъ политики; иные даже смѣялись (можетъ быть неискренно) надъ повстанцами. Что же касается до русскихъ, то самые либеральные изъ нихъ, получая извѣстія объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались ихъ собратья въ Польшѣ, видя изгнанія изъ службы Велепольскимъ всѣхъ русскихъ и т. п., мало-по-малу озлобились на поляковъ, и я хорошо помню, съ какимъ удовольствіемъ они узнали сначала объ удаленіи изъ Варшавы Велепольскаго и Константина Николаевича, а потомъ о контрибуціи въ 1,500,000 руб., которою началъ свое управленіе Бергъ. «Такъ имъ и нужно, безмозглымъ», говорилъ, напр., Забудскій, впрочемъ всегда не жаловавшій поляковъ. Гейманъ тоже косо посматривалъ на «ляховъ», не исключая и своихъ пріятелей, напр., Н....а.

Надежда принести хоть какую-нибудь услугу одновременно Россіи и Польшѣ, содѣйствовать установленію между ними наилучшихъ отношеній и наконецъ просто желаніе воочію ознакомиться съ самымъ жгучимъ вопросомъ времени зародилась во мнѣ въ послѣднее время на Кавказѣ, именно, когда я увидѣлъ, что мнѣ предстоитъ промѣнять исключительно боевой батальонъ на часть его со «своимъ» хозяйствомъ, съ которой нужно бы было

собирать «безгрѣшные» доходы для уплаты «даней», кому слѣдовало. Я взялъ двухмѣсячный отпускъ въ Петербургъ и въ то же время послалъ коротенькую докладную записку о себѣ начальнику штаба войскъ въ Польшѣ, Минковицу, котораго вовсе не зналъ. Тотъ справился у двухъ-трехъ штабныхъ офицеровъ обо мнѣ и доложилъ Бергу, который и потребовалъ меня въ Варшаву. Военное министерство распорядилось моимъ отправленіемъ изъ Петербурга, при чемъ я узналъ въ главномъ штабѣ, что мое желаніе ѣхать на службу составляло рѣдкость, потому что большинство офицеровъ, даже назначавшихся туда самимъ начальствомъ, старалось уклоняться отъ подобнаго назначенія, такъ что иныхъ (напр., генер. шт. капитана или подполковника Папроцкаго) пришлось за это вовсе уволить со службы. Чтобы попросторнѣе расположиться въ вагонѣ, я выбралъ днемъ отъѣзда 25 декабря, т.-е. Рождество, и вечеромъ отправился на вокзалъ желѣзной дороги; но тутъ произошелъ случай, доставившій мнѣ вмѣсто спокойствія чуть не горячку отъ злобы. При сдачѣ багажа, состоявшаго изъ нѣсколькихъ ящиковъ, ко мнѣ подошелъ какой-то плацъ-майоръ или плацъ-адъютантъ и, несмотря на мой подполковничій чинъ, потребовалъ, чтобы я открылъ мои пожитки. Я отперъ ящики, отчасти удивленный, отчасти раздосадованный, но молча. Полицейскій сыщикъ началъ рыться, особенно въ книгахъ, и, найдя при одной изъ нихъ портретъ Герцена, замѣтилъ мнѣ, что «это запрещено»; однако портрета не вырвалъ. Затѣмъ, продолжая обыскъ и видя, что у меня, въ ящикахъ, наравнѣ съ произведеніями поэзіи, есть книги по математикѣ, исторіи, естественнымъ и военнымъ наукамъ, онъ съ усмѣшкой замѣтилъ: «какая у васъ разнообразная библіотека! Видно, вы человѣкъ многосторонній». Это взорвало меня тѣмъ болѣе, что въ ту минуту раздался второй звонокъ. Я замѣтилъ, что служебное положеніе даетъ ему право разбирать и пожалуй отбирать мои книги, но не читать мнѣ морали, тѣмъ болѣе, что кажется я старше его чиномъ. Притомъ, прибавилъ я, бывшему ученику университета и военной академіи простительно имѣть книги по разнымъ отраслямъ знаній.—Помилуйте, отвѣчалъ онъ снова нравоучительнымъ тономъ: не только простительно, но и похвально! И, вѣроятно, догадываясь о возможныхъ послѣдствіяхъ такого нравоученія, юркнулъ отъ меня за прилавокъ, на которомъ стояли ящики, оставивъ меня одного вновь укладывать развороченное и завязывать веревками ящики. Съ стиснутыми зубами я окончилъ эту работу, сдалъ увязанные въ багажное бюро и бѣгомъ поспѣшилъ въ вагонъ уже по третьему звонку. Лихорадка не оставляла меня всю ночь, до самаго Пскова.

Поѣздъ тащился медленно, отъ Динабурга начали сажать въ него конвойныхъ солдатъ съ ружьями; на станціяхъ вездѣ были устроены деревянные бараки для карауловъ. Остановки были продолжительны, и потому въ Варшаву я добрался лишь черезъ двое сутокъ, т.-е. часовъ въ семь вечера 27 декабря. Взявъ извозчика, я отправился въ уяздовскія казармы къ одному пріятелю, офицеру гвардейскаго литовскаго полка, капитану Эрличу, который заранѣе пригласилъ меня остановиться у него. Такимъ образомъ я въ первыя же минуты моего пріѣзда увидѣлъ столицу Польши чуть не на всемъ ея протяженіи и притомъ вдоль лучшихъ ея улицъ—Краковскаго Предмѣстья и Новаго Свѣта. Мертвая тишина, господствовавшая на нихъ, поразила меня. И такъ какъ былъ порядочный морозъ, то меня положительно пробрала лихорадка. Такъ вотъ она междуусобная война, съ ея гражданскимъ терроромъ, къ которому случай на станціи въ Петербургѣ служилъ какъ бы введеніемъ!.. Всѣ лавки и ворота были заперты; на улицахъ ни души, кромѣ полицейскихъ и часовыхъ. Движеніе экипажа производило гулъ, точно въ трубѣ, туннелѣ или пещерѣ. Случайный говоръ какихъ-нибудь полицейскихъ между собой слышался издалека. У воротъ уяздовскихъ казармъ остановилъ меня часовой и на заявленіе, что я ѣду къ капитану Эрличу, вызвалъ подчаска и велѣлъ ему проводить меня до искомаго флигеля. Въ обширномъ дворѣ казармъ царила тоже мертвая тишина и чуть брезжили два-три фонаря, несмотря на то, что въ восьмомъ часу вечера, при нормальномъ порядкѣ вещей, тамъ, гдѣ жило 1.200 человѣкъ, должно было происходить порядочное движеніе. Никогда чай съ ромомъ и теплый привѣтъ испытанной дружбы не казались мнѣ такъ отрадными, какъ въ этотъ вечеръ.

На другой день, передъ девятью часами утра, я былъ въ «крулевскомъ замкѣ», въ пріемной залѣ намѣстника. Адъютантъ сказалъ мнѣ, что у него генералъ Треповъ, но что они оба скоро выйдутъ изъ кабинета. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ 2—3 минуты Бергъ и Треповъ появились въ пріемной. Первый, увидавъ меня и едва давъ мнѣ проговорить обычную служебную формулу представляющихся, тутъ же обратился къ Трепову со словами: «ну вотъ Вамъ, Федоръ Федоровичъ, и недостающій уѣздный начальникъ въ Ленчицу». Должно быть моя молодость, въ связи съ подполковничьимъ чиномъ, аксельбантами и орденомъ съ мечами на шеѣ, была достаточна, чтобы провидѣть, что я годенъ именно на военно-полицейскую должность: самъ я такой способности за собою не зналъ. Впрочемъ, Бергъ, въ оправданіе такой поспѣшности, тутъ же прибавилъ какую-то любезную фразу о моей

прежней службѣ, о которой будто бы ему говорили. Я молча поклонился и вышелъ изъ замка, чтобы итти въ брюлевскій дворецъ являться къ Трепову и потомъ въ штабъ войскъ представиться собственно-военнымъ властямъ. Такимъ образомъ въ 15—20 минутъ мое официальное положеніе опредѣлилось, и я могъ вернуться домой, чтобы снять мундиръ и заняться приготовленіемъ къ отъѣзду въ Ленчицу, который долженъ былъ послѣдовать такъ же скоро, какъ состоялось назначеніе. Въ быстрой организаціи военно-полицейскаго управленія высшія власти въ Польшѣ видѣли тогда единственное средство предупредить новое возстаніе поляковъ въ 1864 году, и, пожалуй, не ошиблись. Что быстрому замѣщенію мѣстъ военно-уѣздныхъ начальниковъ власти радовались, это я увидѣлъ не только изъ словъ Трепова, но и изъ того, что въ окружномъ штабѣ мнѣ предложили даже денежное пособіе «на подъемъ». Но послѣднее предложеніе сопровождалось такою странною оговоркой лица, его дѣлавшаго, что я поспѣшилъ отказаться. Именно, мнѣ сказали: «просите рублей 500 и, если согласитесь изъ нихъ 100 пожертвовать на ускореніе хода дѣла, то послѣ завтра же получите деньги». Такой откровенности мнѣ не случалось слышать даже въ Кубанской области, т.-е. въ штабѣ Евдокимова, и я вынесъ съ Саксонской площади невысокое мнѣніе о штабѣ Берга, который однако состоялъ весь изъ балтійскихъ нѣмцевъ и шведовъ, вѣчно кичащихся у насъ своей честностью...[1]).

Съ теченіемъ времени обстоятельства оправдали мое предубѣжденіе. Дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Моргенштернъ охотно промѣнялъ свою *почетную* должность на другую, болѣе *выгодную*, именно на мѣсто командира варшавскихъ гарнизоннаго батальона и пересыльнаго пункта, которые можно назвать двумя большими оброчными статьями.

Начальникъ штаба, генералъ Минквицъ, получивъ въ 1865 году майоратъ въ 3000 рублей годового (официальнаго, въ дѣйствительности же большаго) дохода, не устыдился еще просить о 60.000 рубляхъ на устройство пожалованнаго имѣнія, которое будто бы было разорено возстаніемъ, хотя онъ самъ его выбиралъ. Да и самъ графъ Бергъ не забывалъ объ округленіи своего майората, полученнаго имъ еще за войну 1831 года: этотъ майоратъ сталъ дѣйствительнымъ «графствомъ» въ 24 деревни, хотя у его сіятельства не было дѣтей, которыя бы могли про-

---

[1]) Главнокомандующій—Бергъ, начальникъ штаба—Минквицъ, начальникъ артиллеріи—Шварцъ, начальникъ инженеровъ—Фейхтнеръ, деж. шт.-офицеръ—Моргенштернъ, нач. варшавск. воен. отдѣла—Корфъ, калишскаго—Бельгардтъ, влоцлавскаго—Витгенштейнъ, и пр.

должать его «династію». И созданіе графства опять-таки было не все: получая огромное содержаніе, Бергъ почти не зналъ расходовъ, не давалъ баловъ и обѣдовъ, а все копилъ. Въ расходованіи огромныхъ штрафныхъ суммъ, собранныхъ въ Польшѣ въ 1863—67 годахъ, онъ также не пожелалъ давать отчета, хотя этого требовалъ Учредительный Комитетъ и особенно одинъ изъ членовъ его, Заболоцкій, съ которымъ Бергъ зато и разсорился.

По прибытіи въ Ленчицу я немедленно увидѣлся со старшимъ изъ мѣстныхъ военныхъ командировъ, полковникомъ Гагемейстеромъ, который по праву, или точнѣе по безправію военнаго положенія, дотолѣ безконтрольно распоряжался судьбами города и уѣзда и которому по тому самому было, видимо, непріятно назначеніе особаго военно-уѣзднаго начальника, къ коему должна была отойти вся не только полицейская, но и политическая власть. Я это сразу замѣтилъ, потому что, несмотря на любезность пріема полковника, у него вырывались фразы въ родѣ той, что «насъ, командировъ войскъ, обидѣли назначеніемъ особыхъ правителей края». Я старался его утѣшить, говоря, что такое назначеніе сниметъ съ него обузу, что притомъ нельзя же поручать надолго управленіе уѣздами командирамъ полковъ и батальоновъ, когда эти полки могутъ быть каждую минуту передвигаемы, и т. п. Наружно онъ соглашался, но въ душѣ продолжалъ досадовать, отчасти можетъ быть и потому, что вѣдь съ званіемъ военно-уѣзднаго начальника сопрягался окладъ жалованья въ 2.400 руб. въ годъ, и онъ предназначалъ этотъ окладъ одному изъ майоровъ своего полка, въ надеждѣ при немъ хозяйничать въ уѣздѣ по произволу. Майоръ даже былъ обнадеженъ, и вдругъ оба получили носъ! Досаду свою Гагемейстеръ и не замедлилъ обнаружить кое-какими дѣйствіями, направленными во вредъ новому военно-уѣздному управленію. Такъ онъ уменьшилъ и ухудшилъ составъ слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ, которая прежде состояла изъ разумнѣйшихъ офицеровъ его полка, а ко мнѣ перешла въ самомъ мизерномъ видѣ. Затѣмъ начались мелкія вмѣшательства въ сферу моей дѣятельности и настойчивое домогательство, чтобы я считалъ старшаго изъ командировъ войскъ, расположенныхъ въ ленчицкомъ уѣздѣ, т.-е. его, Гагемейстера, за «старшаго ленчицкаго военно-уѣзднаго начальника». Эта послѣдняя претензія поддерживалась и начальникомъ 4-й дивизіи, а вмѣстѣ калишскаго военнаго отдѣла, генералъ-лейтенантомъ Бельгардомъ, который собственно былъ моимъ прямымъ начальникомъ и долженъ былъ бы въ этомъ званіи поддерживать самостоятельность военно-полицейскаго управленія, но на самомъ

дѣлѣ заботился только о выгодахъ своихъ полковыхъ командировъ. А выгоды эти были значительны. Напр., г.г. полковники не держали законнаго числа казенно-подъемныхъ лошадей въ полковыхъ обозахъ, получая однако на покупку и продовольствіе ихъ деньги, и замѣняли ихъ по мѣрѣ надобности обывательскими, при чемъ жалобы на эти воровство и вымогательство были невозможны, пока полковникъ оставался военно-полицейскою и даже военно-уголовною властью.

Возникла борьба и не въ одной Ленчицѣ, а во всѣхъ пяти или шести уѣздахъ калишскаго отдѣла. Въ этой борьбѣ я и другіе военно-уѣздные начальники опирались на указъ объ устройствѣ военно-уѣздной администраціи и на генералъ-полицеймейстера Трепова, а Гагемейстеръ и прочіе полковые командиры на генерала Бельгарда и его словесныя инструкціи. Во всякой другой европейской странѣ подобная борьба была бы невозможна, ибо тамъ самые высшіе мѣстные правители суть только слуги закона и исполнители предначертаній высшей власти; но въ Россіи нѣтъ того генерала, особенно облеченнаго гражданскою властью, который бы не ставилъ себя выше закона, не старался его попрать. И чѣмъ глупѣе и необразованнѣе такой генералъ, тѣмъ онъ въ своихъ противозаконныхъ мѣрахъ упрямѣе.

Въ 1873 году въ Петербургѣ, въ присутствіи министра Милютина, на офиціальномъ совѣщаніи объ организаціи управленія Азіатской Россіи, нач. гл. шт. графъ Гейденъ прямо сказалъ, что «генералъ-губернаторы для того и назначаются, чтобы въ случаѣ нужды дѣйствовать вопреки закона, не спрашивая рѣшенія свыше!—И, ставъ потомъ генералъ губсрнаторомъ Финляндіи, онъ началъ было примѣнять это правило къ дѣлу (но получилъ печатный высочайшій выговоръ, ибо Гельсингфорсъ не Петербургъ, и тамъ умѣютъ стоять за себя).

Свѣдѣнія о бельгардовскихъ словесныхъ инструкціяхъ и вызванныхъ ими недоразумѣніяхъ уже въ началѣ февраля 1864 г. достигли Варшавы, и къ намъ, въ уѣзды калишскаго отдѣла, для повѣрки таковыхъ присланъ былъ флигель-адъютантъ М. Н. Анненковъ, которому поручено было содѣйствовать заключенію между враждовавшими сторонами мира.

Но у меня, въ Ленчицѣ, онъ нашелъ наружный миръ вполнѣ существующимъ, такъ какъ мы съ Гагемейстеромъ другъ у друга бывали, обѣдывали и вообще спокойно сходились для бесѣды обо всемъ, кромѣ дѣлъ управленія, и ничѣмъ не давали мѣстному населенію понять, что «въ московскомъ наѣздѣ» есть немалый разладъ. Нѣчто подобное было, повидимому, и въ другихъ уѣздахъ отдѣла; но въ иныхъ разладъ обострился до крайности.

По донесенію Анненкова объ этомъ, Бельгардъ былъ вызванъ въ Варшаву, и тамъ ему сдѣлано внушеніе вести дѣла такъ, какъ они идутъ въ другихъ отдѣлахъ. А Гагемейстеру Треповъ написалъ о томъ же предписаніе, въ которомъ титуловалъ его просто «начальникомъ ленчицкаго отряда войскъ», а не «старшимъ военнымъ начальникомъ Ленчицкаго уѣзда». Это сильно укололо самолюбіе полковника, и онъ, громко жалуясь на Трепова, желалъ болѣе чѣмъ когда нибудь доказать, что «если край усмиряется и крамола искореняется, то это главнымъ образомъ отъ разумной дѣятельности полковыхъ командировъ, а не военно-полицейскаго управленія». Съ этою цѣлью онъ затѣялъ, помимо меня, отобрать отъ населенія уѣзда, или по крайней мѣрѣ отъ его «интеллигенціи», адресы къ государю съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и раскаянія въ бунтѣ. Это было простымъ подражаніемъ начальнику отдѣла, Бельгарду, который, вынудивъ первый въ Польшѣ подобный адресъ отъ мѣстечка Нешавы, думалъ доказать тѣмъ, что въ его отдѣлѣ уже все благополучно, и что, слѣдовательно, его самаго нужно сдѣлать... ну хоть генералъ-адъютантомъ. Въ Петербургѣ, а тѣмъ болѣе въ Варшавѣ, никто изъ начальствующихъ лицъ, конечно, не заблуждался на счетъ истиннаго значенія этихъ адресовъ; но въ провинціи полковникамъ и генераламъ казалось, что они дѣлаютъ великое дѣло. При этомъ, напр., Гагемейстеръ едва ли даже понималъ, что заставлять подписывать адресы для обнародованія ихъ потомъ въ газетахъ, значитъ съ одной стороны возбуждать вящшую ненависть къ намъ поляковъ, а съ другой обманывать, если не правительство, то общество въ Россіи. Я отказался содѣйствовать такому обману, и тогда произошло вотъ что. Какъ уже было упомянуто, Гагемейстеръ, минуя меня, предписалъ участковымъ начальникамъ (становымъ), которые всѣ были изъ офицеровъ его полка, оповѣстить помѣщиковъ, чтобы они собрались къ такому-то числу, въ полдень, въ Ленчицу. Тамъ для ихъ собранія приготовлена была,—то-есть очищена отъ всякой мебели, чтобы дворяне могли только стоять,—зала въ гостиницѣ, къ дверямъ которой былъ приставленъ караулъ изъ 12 вооруженныхъ солдатъ. Затѣмъ Гагемейстеръ торжественно вошелъ и объявилъ предстоявшимъ (числомъ 270 человѣкъ), что они во искупленіе своихъ грѣховъ должны подписать адресъ государю, тутъ же имъ прочитанный.

Никто не шелохнулся. Требованіе было повторено и имѣло тотъ же результатъ. Тогда огорченный полковникъ вышелъ изъ залы и сказалъ помѣщикамъ: «подумайте, панове, и подпишите; даю Вамъ сроку до 6 часовъ вечера», вслѣдъ затѣмъ двери были заперты. Все ленчицкое дворянство, гоноровое потомство пресло-

вутой «кармазиновой» шляхты, оказалось арестованнымъ и въ самомъ дѣлѣ *простояло* до 6 часовъ вечера. Нѣкоторые паны, чувствуя естественную нужду, тутъ же и удовлетворяли ее: кто въ печку, а кто и просто на полъ.

Въ шесть часовъ вечера двери были открыты, и такъ какъ адресъ оказался неподписаннымъ, то «вельможному паньству» дана была Гагемейстеромъ новая отсрочка, уже на цѣлую недѣлю, по окончаніи которой паны должны были снова съѣхаться въ Ленчицу... Понимая, какъ эта неудача скандальна для него, господинъ «старшій военно-уѣздный начальникъ» просилъ меня, хоть и «младшаго», но настоящаго, до времени молчать обо всемъ, т.-е. не доводить до свѣдѣнія варшавскихъ властей, а самъ между тѣмъ донесъ въ Калишъ, что я-де не содѣйствую ему въ полученіи адресовъ. На слѣдующей недѣлѣ, неувѣренный въ успѣхѣ дѣла со шляхтой, мой полковникъ вздумалъ, наканунѣ ея съѣзда, попытать счастья съ болѣе послушнымъ элементомъ, именно съ чиновниками и ксендзами; но и тутъ дѣло не выгорѣло. Чиновники единогласно заявили, что имъ запрещено высшею властью подписывать какіе бы то ни было адреса, а ксендзы сказали, что политика—не ихъ дѣло. Одинъ даже прибавилъ, что онъ служитель Бога и что ему нѣтъ дѣла ни до чего земного. За это Гагемейстеръ немедленно отправилъ его съ жандармомъ въ Варшаву, въ 10-й павильонъ, т.-е. верховную политическую тюрьму; но Треповъ, получивъ съ тѣмъ же жандармомъ донесеніе отъ ленчицкаго жандармскаго офицера о ходѣ всего дѣла, вернулъ ксендза домой. Это привело не только Гегемейстера, но и Бельгарда въ ярость. Послѣдній далъ мнѣ формальное предписаніе собрать подписи къ адресу «императору и королю» отъ всѣхъ помѣщиковъ, и притомъ не созывая ихъ въ городъ, а заставляя подписывать у участковыхъ начальниковъ. Предписаніе это, по принятому въ калишскомъ отдѣлѣ правилу, пришло ко мнѣ черезъ Гагемейстера, и я, пользуясь этимъ, написалъ участковымъ начальникамъ, что вотъ молъ по предписанію такому-то они должны сдѣлать то-то, а для ускоренія дѣла имѣютъ представить подписанные адреса прямо къ старшему въ Ленчицѣ военному командиру. Подписи не получились, и мои власти были въ совершенномъ бѣшенствѣ. Я, въ свою очередь, на этотъ разъ не пожалѣлъ Гагемейстера и донесъ Трепову обо всемъ ходѣ дѣла по адресамъ, а въ то же время написалъ ему частное письмо съ объясненіемъ, что при порядкахъ, существующихъ въ калишскомъ отдѣлѣ, служить въ немъ затрудняюсь. Гагемейстеру вслѣдствіе этого была новая гонка отъ Трепова, и онъ поѣхалъ изливать горе, а вмѣстѣ и интриговать противу меня въ Калишъ.

По счастью въ это время, т.-е. около половины марта, меня вызвалъ въ Варшаву Н. А. Милютинъ и предложилъ новую должность—предсѣдателя люблинской по крестьянскимъ дѣламъ комиссіи. Я махнулъ рукой на бельгардовскіе громы и гагемейстеровскіе происки и сталъ готовиться къ новому назначенію. Гагемейстеръ былъ еще въ Калишѣ, когда я переселился въ Варшаву. Тамъ я узналъ, что Бельгардъ дѣлалъ представленіе объ «удаленіи» меня отъ должности, но графъ Бергъ будто бы положилъ резолюцію: «не удалить, а дать болѣе самостоятельное назначеніе». Удалось ли моимъ антагонистамъ добыть адресъ отъ ленчицкаго уѣзда, я не знаю; но что Бельгардъ генералъ-адъютантомъ сдѣланъ не былъ, это навѣрное. Высшее начальство предпочло пересадить его не то комендантомъ въ одну второклассную крѣпость (Динабургъ), не то членомъ въ извѣстную генеральскую богадѣльню—комитетъ о раненыхъ. Гагемейстеръ грызъ пальцы, особенно въ виду того, что моя новая должность не только давала мнѣ 3800 руб. содержанія, т.-е. больше, чѣмъ онъ получалъ самъ, но и ставила повыше всевозможныхъ полковыхъ командировъ, присвояя мнѣ даже титулъ превосходительства, по разряду должности (IV кл.). Съ гибкостью остзейца онъ потомъ, встрѣтивъ меня въ одной цукернѣ въ Варшавѣ, старался разыграть роль пріятеля.

Три мѣсяца пребыванія въ должности военно-уѣзднаго начальника были однако наполнены не одною борьбою съ глупыми порядками калишскаго отдѣла, а и болѣе серьезными занятіями, изъ которыхъ иныя были очень не легки. Прежде всего нужно замѣтить, что въ видахъ затрудненія сношеній между поляками разныхъ частей царства, особенно между помѣщиками и горожанами, были введены въ это время по всей Польшѣ краткосрочные паспорты, которые выдавались военно-уѣздными начальниками. Паспортовъ этихъ приходилось подписывать отъ 50 до 100, иногда до 120 въ день, и не только подписывать, но и соображать выдачу ихъ съ «политическою благонадежностью» лицъ. Были помѣщики, арендаторы, городскіе шляхтичи, ксендзы, до такой степени скомпрометированные участіемъ въ возстаніи, что имъ велѣно было отказывать въ самомалѣйшей отлучкѣ изъ мѣста жительства. Частыя поѣздки одного и того же лица не допускались; отсрочки по двухнедѣльнымъ паспортамъ приказано было давать съ большою разборчивостью, особенно на пребываніе въ Варшавѣ. Все это ставило меня въ очень трудное положеніе, особенно въ виду того, что генералъ Бельгардъ требовалъ ежемѣсячно копіи со списковъ лицъ, которымъ паспорты были выданы. Въ случаѣ большого числа увольненій можно было

получить замѣчаніе или выговоръ; а если кто-нибудь изъ уволенныхъ попался въ сосѣднемъ уѣздѣ мѣстнымъ начальствамъ, какъ бывшій повстанецъ, то слѣдовалъ запросъ: почему такому неблагонадежному лицу дозволена была отлучка?—А какія основанія имѣлъ я, чтобы отказывать? Почти никакихъ, кромѣ сообщеній жандармскаго офицера, которымъ я имѣлъ причины не довѣрять, потому что пристрастіе всѣхъ жандармовъ къ лицамъ, дававшимъ и недававшимъ имъ взятки, мнѣ было извѣстно. Притомъ въ ленчицкомъ уѣздѣ было много евреевъ, безпрестанно нуждавшихся въ поѣздкахъ по торговымъ дѣламъ; а какъ было ручаться, что паспортъ, данный самому «благонадежному» изъ нихъ, черезъ четверть часа не поступитъ за деньги къ какому-нибудь отъявленному повстанцу или организатору бандъ? По счастью крупныхъ непріятностей съ начальствомъ изъ-за паспортовъ не было; но зато сколько надоѣдливыхъ просьбъ приходилось выслушивать отъ лицъ, которымъ дать «видъ» было затруднительно! Особенно тяжело было требовать отъ помѣщиковъ, чтобы они прежде явки за паспортомъ приносили удостовѣреніе, что за ними нѣтъ недоимокъ въ податяхъ, а иногда и свидѣтельство той или другой мѣстной власти, что не были подъ судомъ и слѣдствіемъ... Я старался всѣ подобныя придирки дѣлать по возможности рѣже, ограничиваясь лишь страхомъ права ихъ дѣлать.

Еще непріятнѣе, чѣмъ ежедневныя хлопоты о паспортахъ, были дѣла о политическихъ арестантахъ, которыхъ ленчицкая тюрьма постоянно содержала отъ 100 до 150 человѣкъ. Участковые начальники и командиры кавалерійскихъ разъѣздовъ по краю, желая явить усердіе, забирали массу «подозрительныхъ» лицъ и привозили ихъ въ Ленчицу. Иногда всѣ свѣдѣнія о такомъ арестантѣ заключались въ томъ, что онъ, такой-то «Янъ Чворекъ былъ въ бандѣ». Гдѣ, когда, въ какой бандѣ, что онъ тамъ дѣлалъ, кто свидѣтели?—о томъ ни слова... Приходилось дознаваться о томъ или отъ самихъ арестантовъ, если они были довольно простодушны, или черезъ другихъ повстанцевъ, ранѣе арестованныхъ и уже сидѣвшихъ въ тюрьмѣ. Эти послѣдніе свидѣтели были очень нерѣдки и притомъ вполнѣ добровольны. Бывали случаи, что когда какого-нибудь арестованнаго, положимъ назвавшагося Гржегоржемъ, вводили въ тюремную залу,—откуда-нибудь изъ угла залы вдругъ раздавалось: «а, Янекъ, и ты къ намъ! ну вотъ опять будемъ вмѣстѣ, какъ подъ Пабіяницами». И Янеку ничего не оставалось дѣлать, какъ тугъ же сознаться, во-первыхъ, что онъ не Гржегоржъ, а во-вторыхъ, что дѣйствительно по наряду пана онъ ночи три провелъ въ

бандѣ такого-то довудцы въ роли простого косиньера, котораго шляхта, укладываясь ночью спать, ставила на аванпосты, гдѣ онъ съ непривычки тоже засыпалъ...

Иногда оказывалось, что противъ арестованнаго не было никакихъ уликъ, и тогда, разумѣется, я его выпускалъ, но все же продержавъ день другой подъ арестомъ, потому что приходилось сноситься съ лицами арестовавшими или съ мѣстными властями, удостовѣрявшими невинность захваченнаго.—Перемѣна именъ арестантами была явленіемъ очень обыкновеннымъ, и тогда нелегко было приступать къ слѣдствію опять-таки до полученія справокъ или до случайной встрѣчи какого-нибудь наличнаго свидѣтеля. Ибо вызывать всѣхъ, на кого арестанты сами указывали—нерѣдко лживо,—не было физической возможности: это значило бы держать въ Ленчицѣ постоянно половину населенія уѣзда, или даже нѣсколькихъ уѣздовъ.—Янъ Ковальскій! Вы, Янъ Ковальскій?—«Нѣтъ, пане, я естемъ Казимірусъ Червинскій».—Какъ такъ? да третьяго дня при арестованіи вы показали, что вы—Янъ Ковальскій изъ деревни Стара-Весь, и что васъ знаютъ Томашъ Мрочекъ и Шимонъ Свентославскій, которые могутъ засвидѣтельствовать, что вы вовсе въ бандѣ не были. Я пошлю за этими людьми, чтобы они оправдали васъ: скажите только, какія занятія ихъ въ Старой-Веси?

— Никакого Шимона Свентославскаго я не знаю; а знаю, правда, Томаша Мрочека, но онъ живетъ не въ здѣшнемъ уѣздѣ, а въ Копинскомъ: тамъ тоже есть Старая-Весь.

Это значило, что молодецъ натворилъ что-нибудь кромѣ участія въ бандахъ и старается скрыть; что ему хотѣлось бы отправиться по этапу въ Конинъ и съ дороги бѣжать. Но въ замѣнъ послѣдняго ему приходилось обыкновенно отправляться въ ближайшую пятницу въ Псковъ. Надобно замѣтить, что военно-уѣзднымъ начальникамъ было предоставлено право не только освобождать невинныхъ, но представлять виновныхъ къ отдачѣ подъ военный судъ и даже высылать ихъ изъ Польши безъ суда. Какъ установить, къ какому изъ этихъ трехъ разрядовъ принадлежитъ арестованный, когда все «слѣдственное дѣло» о немъ—двѣ, три страницы, иногда еще наполненные противорѣчіями, и почти всегда неясное, было до крайности трудно. Я принялъ за правило: крестьянъ и вообще простолюдиновъ, хотя и бывшихъ въ бандахъ, отпускать домой, если они сами признавались въ вооруженномъ участіи въ мятежѣ; если же запирались и были уличены другими, то отсылать ихъ въ Россію (откуда потомъ они были возвращаемы безъ потери

правъ). Помѣщиковъ же и вообще шляхтичей при тѣхъ же условіяхъ вины старался держать подольше въ городѣ, впредь до выясненія дѣла ихъ слѣдствіемъ, а то и судомъ. Судя по роду падавшаго на нихъ обвиненія, они проводили это время или въ тюрьмѣ (политической, отдѣльной отъ острога), или даже просто въ гостиницѣ, гдѣ они должны были нанимать комнату и находились подъ надзоромъ одного безоружнаго солдата, пока дальнѣйшее разслѣдованіе ихъ поступковъ не обозначало ясно, что съ ними дѣлать. Одинъ панъ П...скій сидѣлъ у меня такимъ образомъ въ гостиницѣ три раза. Онъ былъ въ бандѣ нѣсколько дней, въ сраженіяхъ съ нами не участвовалъ, и когда ушелъ изъ «лѣсу», подъ предлогомъ болѣзни, то платилъ за это повстанцамъ тѣмъ, что держалъ у себя на конюшнѣ ихъ лошадей и сбрую, за что первоначально и былъ арестованъ казаками. Такъ какъ онъ сразу сознался не только въ этой матерьяльной помощи возстанію, но и въ своей бытности въ бандѣ, всѣ же другіе свѣдѣнія о немъ удостовѣряли, что онъ—человѣкъ отнюдь не опасный, то, продержавъ его недѣли двѣ подъ арестомъ, еще Гагемейстеръ, до моего пріѣзда, выпустилъ его, но съ условіемъ заплатить штрафъ и жить безвыѣздно въ своей деревнѣ. Черезъ мѣсяцъ, при мнѣ, оказалось изъ допроса разныхъ арестантовъ, что у него въ усадьбѣ не только были склады сбруи, но и проживали по временамъ повстанцы. Пришлось вытребовать его и посадить въ гостиницу для новыхъ допросовъ и очныхъ ставокъ. Оказалось, что два-три повстанца дѣйствительно проживали у него на фольваркѣ, но безъ его вѣдома, а съ согласія управляющаго, который вообще слылъ за одного изъ организаторовъ возстанія. Новый штрафъ съ П...скаго, за недосмотръ, и новое удаленіе его изъ города въ усадьбу, хотя онъ просился лучше позволить ему жить въ городской гостиницѣ. Черезъ три недѣли опять вызовъ, по оговору какого-то повстанца, что панъ давалъ ему денегъ на снаряженіе въ банду. На очной ставкѣ оказалось, что это была ложь, и тогда П...скій уже прямо настаивалъ, чтобы его опять «заключили» въ гостиницу, съ чѣмъ я и согласился, предоставивъ ему уѣхать домой, когда онъ пожелаетъ, лишь извѣстивъ меня о томъ. Для меня стало ясно, что повстанцы оговариваютъ его въ отместку за не довольно горячее участіе въ ихъ дѣлѣ и стараются досадить частыми привозами въ городъ подъ конвоемъ, что для такого «гонороваго» пана было очень обидно, да и убыточно.

Помѣщики, арендаторы, управляющіе и вообще шляхта арестовывались по большей части не только за личное участіе въ бандахъ, но и за содѣйствіе организаціи возстанія, что, по тог-

дашнимъ правиламъ, было цѣнимо гораздо строже и должно было каждаго такого организатора вести подъ судъ, а затѣмъ и въ Сибирь, если не на висѣлицу. Поэтому слѣдствіе объ ихъ поступкахъ приходилось дѣлать болѣе или менѣе тщательно, не торопясь. Оттого они подолгу просиживали подъ арестомъ прежде чѣмъ можно было рѣшить, къ какому разряду ихъ причислить: освобождаемыхъ просто или съ уплатою штрафа, ссылаемыхъ въ Россію временно, безъ суда, или подлежащихъ суду, замѣчу, всегда закрытому и безъ адвокатовъ. Большая часть, разумѣется, добивалась всѣми правдами и неправдами попасть въ первый разрядъ; но были и такіе, что сами просили поскорѣе сослать ихъ въ Псковъ, вѣроятно потому, что знали за собой крупныя вины, подъ предлогомъ, что имъ, напримѣръ, небезопасно возвращаться домой, будто бы, отъ «народовыхъ» кинжальщиковъ! Изъ числа случаевъ такого упрашиванія объ административной ссылкѣ мнѣ живо помнится одинъ. Было раннее утро, часовъ шесть, или даже менѣе. Я только что проснулся и вышелъ изъ темной спальни въ залу, чтобы посмотрѣть, насколько разсвѣло, какъ вдругъ къ ногамъ моимъ бросилась женщина и, ухвативъ меня за полы халата, стала умолять, чтобы я пощадилъ ея мужа.

— Позвольте, дайте мнѣ умыться и одѣться.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу пана-полковника, пока онъ мнѣ не изречетъ жизнь или смерть, мнѣ и моимъ пяти дѣтямъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Мой мужъ жондца (управляющій) такой-то (помнится изъ окрестностей мѣстечка Шонтка, но фамилію забылъ) былъ интендантомъ у повстанцевъ; у него нашли складъ сбруи, оружія и патроновъ, и теперь вы хотите представить его къ отдачѣ на военный судъ: пощадите! Мнѣ и семьѣ придется умереть съ голоду.

— Но что жъ бы вы хотѣли, чтобы я сдѣлалъ.

— Выпустите на волю: онъ впередъ не будетъ.

— Помилуйте, да это весь свѣтъ скажетъ, что это я покривилъ душой за взятку! Да и что же я стану послѣ дѣлать съ другими, столь же виновными, какъ вашъ мужъ?

— Ну, такъ сошлите его въ Россію на годъ.

Дѣлать было нечего; я обѣщалъ разобрать дѣло обстоятельно, съ особымъ вниманіемъ; предложилъ просительницѣ привести вечеромъ всѣхъ своихъ дѣтей; навелъ разныя справки и, наконецъ, призвавъ арестанта, въ присутствіи его жены и дѣтей сказалъ ему: «вы обязаны вашей семьѣ, что не пойдете въ каторгу, но въ ближайшую же пятницу вы отправитесь въ Псковъ, а тамъ

и далѣе, куда найдетъ нужнымъ псковскій губернаторъ». Земнымъ поклонамъ, лобызаніямъ моихъ не только рукъ, но и ногъ, полъ сюртука и пр. не было конца... Въ глубинѣ души я былъ радъ, что могъ сдѣлать добро, хотя и относительное (да еще есть ли неотносительное?); но подобныя сцены надрываютъ нравственно, возбуждая внутреннюю борьбу между долгомъ и совѣстью, а выносить такую борьбу,

«Не пожелаю я и лютому врагу»...

или, точнѣе, ему только и пожелаю, въ предположеніи, конечно, что у него есть совѣсть.

Такъ какъ мнѣ шелъ только 32-й годъ, и всѣ знали, что я холостой, то по заведенному тогда въ Польшѣ обычаю въ пріемной моей съ самаго почти моего пріѣзда стало появляться множество миловидныхъ просительницъ, которыя по очереди ходатайствовали за братьевъ, кузеновъ, дядей, зятьевъ и т. п., но большей частью фиктивныхъ. Русскіе, да и не они одни, говорили по этому поводу, что у польскихъ красавицъ сердца всегда для отчизны, но есть кое-что и для москалей. Я сказалъ бы однако клевету, если бы распространилъ смыслъ этой поговорки на моихъ ленчицкихъ адвокатокъ, потому что онѣ, мнѣ кажется, разсчитывали исключительно на эстетическое вліяніе своей наружности. Да притомъ, никакое другое вліяніе и не могло сказаться, потому что предупрежденный объ обычности адвокатско-патріотическаго маневра, я съ самаго начала принялъ за правило: не принимать никогда женщинъ и просительницъ tête-a-tête, чтобы не дать и возможности возникнуть какимъ-либо толкамъ. Тѣмъ не менѣе, эти женскія просьбы, когда онѣ были искренни, трогали сильно, что, какъ извѣстно, случалось и въ классически гражданской, строго-добродѣтельной древности, ну хоть съ Коріоланомъ, при появленіи Волюмніи, Виргиніи и К°. Да и не могло быть иначе, потому что женщины часто являлись совершенно обездоленными вслѣдствіе взысканій, падавшихъ на ихъ мужей, отцовъ, братьевъ и пр. Я сейчасъ привелъ этому одинъ примѣръ; приведу и другой. Небогатый помѣщикъ Домбровскій сидѣлъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи приговора суда, который и назначилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь. Сынъ этого помѣщика, 19-лѣтній юноша, сидѣлъ въ тюрьмѣ же, въ ожиданіи конца слѣдствія, которое производилось надъ нимъ, какъ надъ повстанцемъ, участвовавшимъ въ бандахъ. Оставалась только 17-лѣтняя дѣвушка, дочь перваго и сестра второго, положеніе которой было ужасно. При полномъ разстройствѣ хозяйства, при физической беззащитности, при жестокомъ потрясеніи нервной системы, ей несомнѣнно грозили нищета и, если не самоубійство, то нрав-

ственное паденіе. Слезы ея, молчаливо катившіяся по прекрасному, но изможденному страданіями, лицу, блуждающій, безнадежный взглядъ и короткое, изъ груди вырвавшееся: «помогите!»—были способны, я думаю, расшевелить сердце даже у такихъ недѣлимыхъ, которые, напримѣръ, въ былое время, находили удовольствіе кричать на солдатъ, гонявшихъ человѣка сквозь строй: «хорошенько его! жарьте, лупите!» и пр. Освободить отца было не въ моей волѣ, ибо онъ былъ уже въ вѣдѣніи суда; но брата я рѣшился ей возвратить, если только найду ручательство, что онъ опять не станетъ повстанцемъ. Съ этою цѣлью я устроилъ свиданіе отца съ сыномъ, предварительно сказавъ первому, чтобы онъ посовѣтовалъ послѣднему сидѣть, въ случаѣ освобожденія, смирно. Такого же совѣта молодому человѣку я требовалъ и отъ сестры. Разумѣется и тотъ и другая обѣщали; но полагаться на одно это обѣщаніе было бы нѣсколько наивно, а потому я рѣшился самъ испытать юношу, насколько онъ честный человѣкъ, и тогда уже дать ему волю. Съ этою цѣлью я призвалъ его къ себѣ и, разспрашивая будто бы для дополненія слѣдствія, сказалъ ему: а что вы знаете про такого-то N, вашего сосѣда и соучастника въ повстаніи?

— Я ничего не знаю.

— Не можетъ быть, потому что вы все время были вмѣстѣ; тамъ-то вмѣстѣ бивакировали, тамъ-то вмѣстѣ посѣщали такого-то.

— Господинъ полковникъ,—отвѣчалъ мнѣ съ волненіемъ въ груди и особымъ блескомъ въ глазахъ, молодой человѣкъ:—N былъ и есть мой другъ съ ранняго дѣтства, и я былъ бы подлецъ, открывъ про него что-либо больше того, что уже вамъ извѣстно изъ другихъ источниковъ.

Я едва удержался, чтобы не пожать ему руки; но, принявъ официальный тонъ, сказалъ ему: если вы такой гоноровой человѣкъ, то даете ли вы мнѣ честное слово, что не примете вновь никакого участія въ возстаніи, если я выпущу васъ теперь для охраны вашей сестры?—Онъ взглянулъ на меня испытывающими, сомнѣвающимися глазами, потомъ, какъ будто ему было трудно, сказалъ: «даю!»... На завтра я имѣлъ удовольствіе видѣть совершенно дѣтскую радость панны Домбровской, пришедшей благодарить меня... Надѣюсь, панна, замѣтилъ я, что вы не пустите больше вашего брата въ лѣсъ.—«Нѣтъ, нѣтъ! я заставлю его сидѣть безвыѣздно дома».—На этотъ разъ у меня не было даже и внутренней борьбы, а только сознаніе, что я поступилъ человѣчно.

Бездушные легисты, педанты законности скажутъ, что я

тутъ допустилъ произволъ, послабленіе, котораго притомъ не оказывалъ другимъ, т.-е. поступилъ и неправильно, и пристрастно. Пусть такъ [1]). Я не для нихъ и пишу эти строки, зная, что въ ихъ безпристрастныя, юридически-правдивыя и холодныя, какъ мерзлыя болота, сердца не проникаетъ ни малѣйшая теплая струя беззаконной жалости. Но спѣшу оговориться, что описаннымъ способомъ поступалъ не я одинъ, а многіе изъ русскихъ военныхъ начальниковъ того времени. Мнѣ особенно пріятно вспомнить, что и Гагемейстеръ, о которомъ я выше говорилъ не съ особою симпатіей, допускалъ, несмотря на свою балтійскую благонадежность, послабленія не меньше моихъ.

Вотъ примѣръ очень осязательный и, надѣюсь, незабытый самимъ Гагемейстеромъ, несмотря на то, что онъ дошелъ до степеней извѣстныхъ: носилъ на эполетахъ свитскій азъ, командовалъ дивизіей и пр., слѣдовательно могъ совершенно забыть поговорку noblesse oblige и замѣнить ее болѣе удобнымъ правиломъ: position oblige.

Старикъ, помѣщикъ Бышевскій, изъ числа возвращенныхъ въ 1856 году изъ Сибири ссыльныхъ поляковъ николаевскаго времени, попался въ участіи въ организаціи возстанія, былъ судимъ и осужденъ вновь чуть ли не на каторжную работу. По обычаю,—который авось когда-нибудь объяснятъ аудиторскіе чины управленія графа Берга,—приговоръ сталъ ему извѣстенъ двумя или тремя днями раньше, чѣмъ онъ дошелъ до Гагемейстера офиціальнымъ путемъ, хотя Бышевскій сидѣлъ въ Ленчицкой тюрьмѣ. Видя, что ему снова предстоитъ ѣхать на дальній востокъ и притомъ, конечно, навсегда, онъ попросилъ Гагемейстера отпустить его до ближайшаго четверга, т.-е. до кануна дня отправленія ссыльныхъ, въ деревню, чтобы сдѣлать тамъ кое-какія распоряженія на счетъ наслѣдства, проститься съ близкими сердцу и пр. Гагемейстеръ, не знавшій о приговорѣ, могъ бы, съ грѣхомъ пополамъ, сдѣлать это, придавъ, напр., Бышевскому надежную стражу, которая бы наблюдала за нимъ и привела въ свое время назадъ. Но, во 1-хъ, Бышевскій имѣлъ откровенность заявить, что ему извѣстенъ приговоръ суда и

---

[1]) Въ минуту, когда я освободилъ Домбровскаго, поступокъ мой былъ, конечно, нелегаленъ. Но нѣсколько времени спустя было разрѣшено, въ видахъ уменьшенія числа ссылаемыхъ въ Россію, отпускать домой всѣхъ повстанцевъ, которые винились сами въ вооруженномъ возстаніи и не совершили никакихъ другихъ преступленій. Слѣдовательно, стоило только подождать нѣсколько недѣль, чтобы узаконить мои дѣйствія. Такова вообще сфера легальности, несмотря на ея притязанія на абсолютное право опредѣлять судьбу *гражданъ*, за которыми она постоянно не видитъ *людей* и которымъ за минутныя увлеченія постоянно воздаетъ годами страданій.

что потому-то онъ и спѣшитъ свиданіемъ съ родными, а во 2-хъ, было бы физически невозможно и тактически опасно давать конвой изъ 4—5 человѣкъ каждому арестанту, желающему посѣтить свою деревню.

Должна была послѣдовать внутренняя, вполнѣ естественная борьба въ Гагемейстерѣ, и къ чести его онъ кончилъ ее дозволеніемъ Бышевскому, на честное слово, отлучиться изъ тюрьмы на три дня безъ конвоя... Нужно ли говорить, что старикъ сдержалъ свое слово и въ ближайшую пятницу отправился вновь за Уралъ?..

Я, впрочемъ, не этотъ вопросъ предложу, а другой: почему, если даже въ 1863—64 годахъ, т.-е. въ эпоху открытой борьбы и раздраженія политическихъ страстей, существовали подобныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными въ Польшѣ,— страна эта доселѣ не примирилась съ Россіей? Господа жандармы! Вы, которые составляли государственное око власти, чтобы не сказать, ея душу: объясните пожалуйста! Или вы все находите, что ваши тиранія и шпіонство надежнѣе привязываютъ польскій народъ къ русскому, чѣмъ наивныя *послабленія*? Здѣсь кстати вообще вспомнить о жандармахъ и объ ихъ положеніи въ Польшѣ, особенно же объ ихъ участіи въ изученіи пружинъ мятежа 1861—64 годовъ и въ самомъ усмиреніи возставшаго края. Не знаю, какъ въ Варшавѣ, но въ провинціяхъ безполезность жандармеріи въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ по-моему, доказана была въ 1863—64 годахъ блистательнымъ образомъ.

Несмотря на то, что жандармскія команды издавна были въ каждомъ уѣздномъ городѣ и начальствующіе ими офицеры часто сидѣли на мѣстахъ по нѣскольку лѣтъ, они не только ничего не знали о мѣстныхъ центрахъ инсуррекціи и ея руководителяхъ, но часто не могли дать отчета о томъ, какихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій держался тотъ или другой замѣтный въ уѣздѣ и даже въ городѣ обыватель. О различіи между бѣлыми и красными польскими патріотами они не имѣли яснаго понятія и иногда давали благосклонные отзывы о лицахъ, бывшихъ начальниками бандъ или уѣздовъ, организаторами возстанія, революціонными интендантами и т. п., у которыхъ находились склады амуниціи и оружія. Впрочемъ въ послѣднемъ отношеніи они иногда кое-что и знали, или по крайней мѣрѣ слыхали стороной, но нерѣдко благоразумно умалчивали, въ 1-хъ, конечно, потому, что побаивались личной мести польскихъ жандармовъ-кинжальщиковъ, болѣе отважныхъ, чѣмъ они сами; а во 2-хъ, и гораздо чаще, потому, что паны-организаторы умѣли своевременно проигрывать господамъ жандармскимъ офи-

церамъ значительныя суммы денегъ, дарили имъ лошадей, овса, сѣна и пр. Это проигрываніе и эти подарки, можно сказать, были обязательны для значительной части населенія Польши, именно для ея образованныхъ классовъ, не исключая тутъ и чиновниковъ польскаго происхожденія. Послѣднему прекраснымъ доказательствомъ служитъ случай, бывшій въ Ленчицѣ до моего пріѣзда. Въ 1863 году тамъ былъ гражданскимъ уѣзднымъ начальникомъ, т.-е. исправникомъ, нѣкто Т...гъ [1]), державшійся независимо отъ жандармскаго капитана, В...ра. Это не нравилось послѣднему, и онъ сдѣлалъ доносъ, что будто Т...гъ собственноручно кинжаломъ изрѣзалъ портретъ императора, висѣвшій въ присутственномъ залѣ уѣзднаго управленія. Велѣно было арестовать Т...а и подвергнуть слѣдствію, а если окажется виновнымъ, то и суду, разумѣется, военному. Арестантъ повидимому былъ спокоенъ; ибо доказать, что онъ изрѣзалъ портретъ, собственно говоря, не было возможности. Свидѣтелей—никакихъ; а какъ могъ онъ это сдѣлать безъ свидѣтелей, хотя бы только сторожей?—трудно себѣ и представить. Вѣдь во время засѣданія въ управленіи находится не одинъ начальникъ, а цѣлая масса чиновниковъ; единоличное же посѣщеніе залы, Т...гомъ въ внѣслужебное время было бы хорошо замѣчено именно сторожами, которые бы донесли на него въ случаѣ рѣзанія портрета, чтобы спасти собственную шкуру; но ничего подобнаго не было. В...ръ это понялъ, и такъ какъ догадывался, что арестантъ не пожалѣетъ его передъ слѣдователями и судьями и разскажетъ послѣднимъ всѣ вымогательства доносителя у помѣщиковъ уѣзда, то и явился къ нему въ тюрьму, гдѣ началъ пріятельскую бесѣду, чтобы, съ одной стороны, отклонить отъ себя подозрѣніе въ доносѣ, а съ другой—дать понять, что за взятку можно будетъ отдѣлаться отъ обвиненія. Понялъ ли это Т...гъ или нѣтъ—я не знаю; но «дружеская бесѣда» зашла такъ далеко, что было принесено шампанское, можетъ быть для того, чтобы вспрыснуть состоявшуюся уже сдѣлку. Но къ несчастью для жандарма, въ это время посѣтилъ тюрьму Гагемейстеръ и засталъ негодяя en flagrant délit. Послѣдовала сцена, несмотря на которую В...ъ вывернулся отъ отвѣтственности, отчасти, кажется, по заступничеству жены, смазливой польки, нравившейся Гагемейстеру, отчасти по неумѣлости послѣдняго взяться за дѣло. Именно, В...ъ успѣлъ его убѣдить, что «пирушка въ тюрьмѣ была не болѣе, какъ обычный жандармскій «подвохъ,

[1]) Кажется, такъ; лично я его не зналъ, и все дѣло описываю со словъ Гагемейстера и нѣсколькихъ офицеровъ, жившихъ въ Ленчицѣ во время событія.

освѣщаемый инструкціями свыше», и дѣло кончилось ничѣмъ, по крайней мѣрѣ для него, если не для Т...га, о коемъ я ничего не знаю.

Но этотъ случай мнѣ сообщенъ другими, хотя лицами, заслуживающими довѣріе; а вотъ ужъ такой, гдѣ я самолично могъ познакомиться съ благонадежностью и безкорыстіемъ жандармовъ, которые тогда считались въ Польшѣ, а теперь считаются во всей Россіи, опорою престола. Въ половинѣ февраля ко мнѣ явился изъ Варшавы молодой еврей съ запискою изъ управленія генералъ-полиціймейстера, что онъ можетъ быть полезенъ мнѣ при раскрытіи повстанской организаціи ленчицкаго уѣзда. Еврей этотъ, наборщикъ изъ одной варшавской типографіи, былъ сначала «полякомъ моисеева закона», т.-е. находился въ бандѣ; но потомъ, убоявшись пуль, а можетъ быть и висѣлицы, сталъ продавать свои услуги за деньги тому, кто могъ дать дороже, т.-е. въ данномъ случаѣ «московскому наѣзду». Я принялъ его съ недовѣріемъ; но такъ какъ онъ разсказалъ мнѣ много фактовъ, о которыхъ я уже зналъ по слѣдственнымъ дѣламъ, и всѣ разсказы его были вѣрны, то я рѣшился употребить его для указанія лицъ, которыхъ слѣдовало арестовать за участіе въ возстаніи, но которыя скрывались въ разныхъ мѣстахъ уѣзда подъ чужими именами. По сообщенію моему Гагемейстеръ назначилъ на поискъ молодого гусарскаго офицера со взводомъ солдатъ и десяткомъ казаковъ, а еврея-лазутчика велѣлъ одѣть въ солдатскую шинель и тоже посадить на лошадь. Рано утромъ до свѣту партія эта двинулась въ путь; но такъ какъ меня все брало сомнѣніе насчетъ поведенія шпіона, который могъ затѣять всю исторію для полученія 25 руб. и изъ-за какой-нибудь личной мести, то я пустился вслѣдъ за ушедшими и скоро нагналъ ихъ. На пятой или шестой верстѣ, въ усадьбѣ одного помѣщика, ими былъ сдѣланъ первый арестъ одного молодого парня, бывшаго въ бандѣ чѣмъ-то въ родѣ курьера для развозки бумагъ; но барина его, служившаго адъютантомъ чуть ли не у Тычановскаго или у какого-то иного повстанскаго вождя, уже не нашли, хотя казаки и увѣряли, что въ мезонинѣ дома стояла его постель развороченная и совсѣмъ еще теплая. Продолжая далѣе экспедицію, мы замѣтили бричку парой лошадей, ѣхавшую сначала намъ навстрѣчу, а потомъ быстро повернувшую назадъ. Посланы были казаки въ догонку и скоро передо мною предсталъ панъ, везшій, какъ оказалось, революціонныя бумаги и вооруженный револьверомъ. Словомъ, въ теченіе дня было задержано 5 или 6 человѣкъ несомнѣнныхъ повстанцевъ и къ нимъ въ придачу двѣ повстанскія лошади, стоявшія на конюшнѣ одной помѣщицы-

старухи въ ожиданіи весны и начала новыхъ военныхъ дѣйствій. Всю эту «добычу» я направилъ въ Ленчицу, куда она и прибыла вечеромъ. Арестованныхъ людей свели въ слѣдственную тюрьму, а лошадей взяли къ себѣ въ конюшню жандармы, такъ какъ немедленно продать ихъ съ аукціона было невозможно за позднимъ часомъ. Аукціонъ этотъ долженъ былъ состояться на завтра и состоялся. Но каково же было мое удивленіе, когда на продажу выведены были не добрые повстанскіе кони, а дрянныя клячи, за которыя въ пользу казны и поступило всего 12 или 13 руб., вмѣсто возможныхъ 150—200! Тщетно я добивался отъ жандармскаго офицера разъясненія, кто совершилъ подлогъ?—мнѣ не удалось ничего узнать, и дѣло такъ и кончилось изморомъ, когда я выѣхалъ изъ Ленчицы. Но этого наглаго воровства было мало жандармамъ. Едва я успѣлъ на другой день снова выѣхать въ уѣздъ, уже одинъ, безъ конвоя, для ознакомленія съ однимъ участкомъ, въ которомъ еще не былъ, какъ заступившій мое мѣсто помощникъ, т.-е. тотъ же жандармскій капитанъ, призвалъ къ себѣ лазутчика и сталъ требовать, чтобы тотъ ему прямо открылъ еще нѣсколько «политическихъ секретовъ», которые бы помогли и ему захватить нѣсколькихъ лошадей и особенно такихъ людей, чтобы ихъ «стоило» арестовывать или освобождать. Лазутчикъ и не прочь бы былъ исполнить это желаніе, но требовалъ прежде всего денегъ, а какъ ему ихъ не дали, то онъ отказался. Тогда, пользуясь своимъ халифствомъ на часъ, жандармъ задалъ ему жестокую порку, такъ что когда я вернулся въ городъ, то былъ встрѣченъ громкою слезною жалобою шпіона и настойчивою просьбою отпустить его въ Варшаву.—«Подлецы,—господа жандармы!» прибавилъ вздутый израиль: «я потому всегда и избѣгалъ имѣть *съ ними* дѣло, что они вдвое хуже нашего брата»... Черезъ нѣсколько дней я узналъ стороной, что мой жандармскій капитанъ хвалился, что «славно проучилъ жида за доносъ на пана N».—А панъ этотъ, находившійся въ числѣ лицъ, которыхъ я отыскивалъ, и котораго лазутчикъ зналъ въ лицо, былъ извѣстенъ тѣмъ, что проигрывалъ капитану охотнѣе многихъ другихъ.

Само собою разумѣется, что подобное поведеніе жандармовъ поддерживало, да я думаю поддерживаетъ и донынѣ, въ полякахъ не только ненависть, но и презрѣніе къ русской власти и даже вообще ко всему русскому; и почему ихъ не уничтожатъ въ Польшѣ?—этого я не могу понять.

Вѣдь если нужно шпіонство для вывѣдыванія «злыхъ умысловъ», то я уже сказалъ, что именно эта цѣль не достигается, какъ съ очевидностью доказывали годы 1830—31 и 1861—64.

Затѣмъ жандармы не только давятъ и раздражаютъ поляковъ, но они компрометируютъ и тѣхъ русскихъ, которые одновременно съ ними служатъ въ Привислинскомъ краѣ, нисколько не раздѣляя ихъ . . . . понятій и дѣйствій. Положеніе этихъ послѣднихъ русскихъ отвратительно. Вѣдь, хочешь не хочешь, разъ ты русскій, то поневолѣ знаешься съ жандармами и не только официально, но и частно, а это, въ 1-хъ, огорчаетъ, какъ всякая, даже невольная подлость, и, во 2-хъ, роняетъ въ глазахъ порядочныхъ людей, къ какой бы націи они не принадлежали. Въ этомъ отношеніи на Кавказѣ было лучше. Такъ, напримѣръ: передъ самымъ моимъ отъѣздомъ былъ слѣдующій случай, доказывавшій, что даже русское провинціальное чиновничье общество не уважало жандармовъ и ранѣе 1863 года. Городъ Ставрополь готовился видѣть въ своихъ стѣнахъ великаго князя-намѣстника и рѣшилъ дать ему балъ. Открылась подписка: для военныхъ у начальника штаба, для статскихъ у губернатора. Жандармскій штабъ-офицеръ (помнится Голоушевъ, чуть ли не тотъ самый, что былъ потомъ въ Самарѣ или Оренбургѣ, гдѣ его собственныя дѣти приняли участіе въ «заговорахъ нигилистовъ и въ распространеніи революціонныхъ идей»), какъ человѣкъ, носившій эполеты, сунулся было съ своими деньгами къ Забудскому, но получилъ отказъ въ принятіи ихъ, подъ предлогомъ, что онъ принадлежитъ къ гражданской, а не къ военной администраціи; сунулся къ губернатору Пащенко,—тамъ та же исторія: вы-де носите военный мундиръ! Такъ и пришлось жандарму сказать: «ну такъ я буду на балѣ и просто безъ подписки: мнѣ вѣдь доступъ вездѣ открытъ!»...—Да, замѣчали ставропольцы: наравнѣ съ тѣми жандармами, что стоятъ у подъѣзда, для порядка между кучерами...—Въ 1859 г. въ Омскѣ тоже былъ подобный случай. Для предупрежденія появленія жандармскаго офицера *въ залъ* мѣстнаго собранія ближайшія къ генералъ-губернатору лица, его адъютанты и штабные офицеры, устроили нарядъ жандармской команды съ офицеромъ *къ подъѣзду* собранія, чѣмъ самымъ указывалось, что его мѣсто въ сѣняхъ, пожалуй въ передней, но никакъ не въ залахъ, доступныхъ однимъ порядочнымъ людямъ. Въ Польшѣ этого сдѣлать было нельзя.

Возвращаюсь отъ вопроса о жандармахъ къ состоянію польской провинціи передъ началомъ весны 1864 года. Какъ только обнародованы были указы 19 февраля о надѣленіи землею крестьянъ и объ устройствѣ гминнаго самоуправленія, войскамъ и военно-полицейскимъ управленіямъ почти нечего стало дѣлать для разысканія бывшихъ повстанцевъ: крестьяне начали сами

приводить ихъ въ города или къ участковымъ начальникамъ, а боязнь такой выдачи, за которою могла послѣдовать ссылка, произвела то, что и сами повстанцы являлись нерѣдко просить видовъ на свободное жительство, послѣ чего они уже освобождались отъ всякихъ преслѣдованій. Труднѣе было съ организаторами возстанія и вообще со шляхтой, все еще питавшею надежды продолжать борьбу; но тутъ опять явились крестьяне на помощь правительству и были неумолимы къ шляхтѣ. Во всѣхъ деревняхъ были устроены заставы, и если проѣзжій шляхтичъ не имѣлъ паспорта, или вообще казался подозрительнымъ, то заставные караульщи кинемедленно задерживали его и отсылали въ городъ или къ участковому начальнику. Это было самое ужасное время для шляхты, время окончательнаго расчета за повстаніе. Съ одной стороны, доходы съ имѣній прекратились или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшились; съ другой—самой личности каждаго пана грозила постоянная бѣда, и отъ кого же?—отъ хлоповъ!.. Я прекратилъ дальнѣйшую административную ссылку политическихъ арестантовъ въ Россію, что, впрочемъ, скоро сдѣлано было и общею правительственною мѣрою.

Теперь слѣдовало бы перейти именно къ обнародованію и исполненію указовъ 19-го февраля 1864 года, произведшихъ такой глубокій переворотъ въ Польшѣ; но объ этомъ лучше я скажу особо, а въ данную минуту припомню еще нѣкоторыя подробности собственно военно-полицейскаго управленія моего въ Ленчицѣ. Какъ ни страннымъ можетъ казаться, но больше всего хлопотъ и непріятностей этому управленію доставляли не поляки, которыхъ предложено было терроризировать, а свои же военныя и другія власти, которыя производили даже не терроръ, а какой-то хаосъ, который могъ возбуждать не только озлобленіе, но отчаяніе всего населенія. Прежде всего замѣчу, что изъ чисто корыстныхъ цѣлей начальники войскъ безсовѣстно пользовались своимъ тогдашнимъ правомъ брать подводы будто бы для скорѣйшей доставки командъ къ мѣстамъ возмущеній. Никакихъ возмущеній за время моего управленія ленчицкимъ уѣздомъ не было въ немъ, а между тѣмъ, солдаты постоянно разъѣзжали изъ одного конца уѣзда въ другой, отъ одного ротнаго двора къ другому или въ полковой штабъ, на обывательскихъ лошадяхъ. Это были то оружейники для починки и смазки оружія, то каптенармусы, то писаря, то даже сами офицеры, ѣздившіе къ сосѣдямъ повидаться, поиграть въ карты и т. п. и бравшіе подводы не только для себя, но и для небольшого конвоя. Если бы эти «порядки» продолжались весною и лѣтомъ 1864 года, то край былъ бы разоренъ дотла. И до чего доходили

военныя власти въ этомъ отношеніи, можно судить по слѣдующему примѣру. У одного помѣщика жена собиралась родить; онъ послалъ въ Ленчицу за акушеркой, и кучеръ, прибывъ къ жилищу послѣдней, оставилъ бричку у воротъ, а самъ пошелъ просить акушерку, которая и стала собираться. Но пока шли сборы, военнымъ властямъ для какой-то «внезапной» надобности потребовались подводы, и бричка пана, вмѣстѣ съ вышедшимъ изъ воротъ кучеромъ, была захвачена въ реквизицію и возвращена лишь тогда, когда, быть можетъ, родильница уже не имѣла надобности въ акушеркѣ, потому что родила благополучно или потому, что умерла... Напрасно даны были предписанія свыше, чтобы нарядъ подводъ для войска дѣлался черезъ уѣздныя власти, и даже не военно-полицейскія, которыя не знали порядка исполненія натуральныхъ повинностей населеніемъ Польши, а черезъ гражданскія: предписанія эти не исполнялись, ибо всегда можно было отговариваться экстренностью и важностью возникшей надобности въ подводахъ. Помню, разъ я встрѣтилъ верстахъ въ восьми отъ Ленчицы, близъ деревни Витоньи, четырехъ солдатъ, ѣхавшихъ въ страшную грязь на трехъ пароконныхъ фурманкахъ (телѣгахъ), то-есть на шести лошадяхъ при трехъ кучерахъ. Спрашиваю: что они за люди и куда ѣдутъ? Отвѣчаютъ: «оружейники и слесаря ладожскаго полка; ѣдутъ домой, въ полковой штабъ», т.-е. въ Ленчицу.— Зачѣмъ же у васъ обывательскія, а не полковыя лошади?—«Не могимъ знать; намъ начальство дало такихъ».—Что могъ я дѣлать въ подобныхъ случаяхъ? Настаивать у Гагемейстера, какъ мѣстнаго старшаго начальника войскъ, чтобы самовольства были прекращены? Но они имъ-то и дѣлались, съ прямою эгоистическою цѣлью сберечь полковыхъ лошадей (если еще такія существовали въ должномъ числѣ). Задѣть его съ этой стороны, значило бы нажить въ немъ не только принципіальнаго противника, какъ въ вопросѣ о кругѣ власти, но личнаго врага; а между тѣмъ самая настоятельная политическая необходимость заставляла насъ итти рука-объ-руку или по крайней мѣрѣ не раздѣляться открыто, гласно. Другая сторона самовластія войсковыхъ начальниковъ была не менѣе, если не болѣе отвратительна. Давно уже установилось мнѣніе, что послѣднее польское возстаніе было задавлено не столько оружіемъ, сколько нагайками. Не одна Варшава помнитъ день Косцюшки (2 октября), когда казаки «лупили направо и налѣво», не разбирая праваго и виноватаго, лишь бы загнать жителей съ улицъ въ дома; Ленчица тоже имѣетъ объ этомъ свою легенду. Привычка драться, точнѣе бить безоружныхъ, вошла въ плоть и кровь разныхъ сотенныхъ,

эскадронныхъ и ротныхъ командировъ. А какъ послѣдніе были понадѣланы участковыми начальниками, то мнѣ, непосредственной власти надъ ними, отвѣтственной за политическія послѣдствія ихъ недостойнаго поведенія, приходилось имѣть не мало хлопотъ съ ними. Помню, разъ, въ эпоху настояній Бельгарда о присылкѣ возможно большаго числа адресовъ съ заявленіями виновности и просьбами о пощадѣ, одна бѣдная мѣщанка мѣстечка Гржегоржева привезла ко мнѣ своего до полусмерти избитаго мужа и жаловалась, что его истиранилъ мѣстный участковый начальникъ.—За что? «А онъ требовалъ адреса, мѣщане же не хотѣли его подписывать, говоря, что и безъ того все время возстанія вели себя, какъ вѣрноподданные, а потому виниться въ чемъ-либо не хотятъ. Мой мужъ стоялъ въ переднихъ рядахъ, и какъ онъ издавна страдаетъ головотрясеніемъ, такъ что по этому поводу и въ солдаты не былъ взятъ, то участковый начальникъ, принимая его покачиванья головой за знакъ подстрекательства, тутъ же на площади разложилъ его и далъ ему *семьдесятъ нагаекъ*»... Я немедленно написалъ запросъ штабсъ-капитану—палачу, требуя разъясненія дѣла; но получилъ въ отвѣтъ, что «дѣйствительно, мѣщанинъ такой-то противодѣйствовалъ составленію адреса, за что ему и дано *двадцать розогъ*, въ примѣръ и страхъ другимъ».

Штабсъ-капитану, повидимому, и въ голову не приходило, что я собственными глазами видѣлъ раны, нанесенныя несчастному его паціенту. Слѣдовало бы его «благородіе», какъ изверга и офиціальнаго лжеца, отдать подъ судъ, но какъ это сдѣлать? Участковые начальники были назначены не мною, не я могъ и смѣнять ихъ. Жаловаться на нихъ рапортомъ утверждавшему ихъ Бельгарду значило не только толочь воду, но и наживать себѣ однѣ непріятности, безъ всякой надежды добиться правосудія. Я сказалъ о поведеніи тирана Гагемейстеру, полковому его командиру; тотъ замѣтилъ: «Дѣйствительно, штабсъ-капитанъ Островскій (кажется такъ) строгъ и даже суровъ, но онъ—одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ полка». (Каковы же были неотличнѣйшіе?..). Замѣчу, что именно изъ ладожскаго полка немало офицеровъ ушло въ польскія банды и съ ними вмѣстѣ докторъ Сыревичъ, одинъ изъ отчаянныхъ и ловкихъ «довудцевъ».

Здѣсь по поводу исторіи гржегоржевскаго мѣщанина, невольно вспоминается еще разъ поведеніе жандармеріи. Жаловавшаяся женщина, глубоко вѣруя, что къ русскимъ начальствамъ нельзя являться безъ взятки, принесла мнѣ голову сахара, которую и поставила передо мною прежде даже, чѣмъ вымолвила слово. По выслушаніи ея просьбы я сказалъ ей, что дѣло ея мужа немедленно разберу, а что касается до сахара, то я его

отсылаю въ больницу и прошу ее сказать всѣмъ знакомымъ, что, если кто изъ нихъ явится ко мнѣ съ подарками, то будетъ посаженъ въ острогъ. Жандармскій офицеръ немедленно узналъ объ этомъ и вечеромъ пришелъ ко мнѣ съ самыми ласковыми представленіями не дѣлать послѣдняго, что, молъ, принесшая сахаръ баба сдѣлала это по глупости, и что сажать за подобныя «наивности» въ острогъ было бы «неполитично»... Еще бы! Когда вся политика жандармовъ въ томъ и состояла, чтобы имъ побольше приносили сахарныхъ головъ и другихъ *сластей*.

Страсть драться сказывалась у нашихъ офицеровъ и не по одному поводу «сопротивленія ихъ власти», въ которомъ они всегда склонны были видѣть «бунтъ, мятежъ, возстаніе», а иногда по чисто «мирнымъ» причинамъ. Тюрьмою политическихъ, подслѣдственныхъ арестантовъ въ Ленчицѣ завѣдывалъ при мнѣ назначенный еще въ 1863 году Гагемейстеромъ прапорщикъ Ивановъ, вислоухій и злой дуракъ. Онъ сѣкъ арестантовъ подъ разными предлогами и однажды далъ,—правда всего двадцать—розогъ одному больному, который, будучи дежурнымъ по камерѣ, но чувствуя себя слабымъ, отказался мести полъ и котораго послѣ наказанія пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Этотъ же Ивановъ нагло эксплуатировалъ арестантовъ зажиточныхъ, приглашая ихъ по вечерамъ къ себѣ «на чай и для свиданія съ родными» и обыгрывая при этомъ въ карты. Я узналъ досконально объ этихъ мерзостяхъ лишь подъ конецъ моего управленія, просилъ Гагемейстера о смѣнѣ негодяя, но состоялась ли таковая,—не знаю. Замѣнить же Иванова самъ я не могъ: военно-уѣзднымъ начальникамъ не было предоставлено право опредѣлять и увольнять подвѣдомственныхъ имъ чиновъ, кромѣ писцовъ изъ собственной канцеляріи, числомъ двухъ или трехъ.

Н. Бергъ въ своихъ офиціальныхъ «Запискахъ» о польскомъ возстаніи 1863 года приводитъ цифры тѣлесно-наказанныхъ поляковъ по плоцкому военному отдѣлу, при чемъ оказывается, что ихъ въ этомъ отдѣлѣ, за два года, 1863—65, было свыше трехъ тысячъ. Это давало бы приблизительно, на всю Польшу, около 20.000, ибо плоцкій отдѣлъ составлялъ $^1/_6$ или $^1/_7$ всего края. Но я думаю, что такая цифра далеко ниже дѣйствительности, ибо сѣкли повстанцевъ, да и вообще поляковъ, не одни начальники отдѣловъ, т.-е. генералы, а и всякій военный начальникъ какого-нибудь захолустья. Притомъ одно число наказанныхъ еще немного значитъ: нужно знать, какъ наказывали? Чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ, приведу лучше всего разсказъ Н. А. Чуфаровскаго, бывшаго офицера вологодскаго полка,

а потомъ участковаго комиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ Люблинѣ, человѣка въ высшей степени правдиваго. Разъ, идя по люблинскимъ улицамъ зимою 1864—65 года, мы съ нимъ встрѣтили одного шляхтича въ хорошей енотовой шубѣ, который, завидя насъ, принялъ какой-то смущенный видъ и поспѣшилъ обойти насъ стороною. «Знаете, кто это такой?» спросилъ меня Чуфаровскій.—Разумѣется, нѣтъ—«А это панъ Н., который года полтора тому назадъ здорово досталъ въ скуру».—За что и какъ?—«А онъ устроилъ мерзость нашимъ стрѣлкамъ (кажется облилъ помоями проходившій мимо дома стрѣлковый караулъ), за это генералъ Хрущевъ, видя его молодость, приказалъ его высѣчь 25-ю ударами. Но экзекуція была поручена тѣмъ самымъ стрѣлкамъ, которымъ онъ сдѣлалъ скандалъ, и тѣ потѣшились. Привязали его къ скамейкѣ, да сѣкли съ разбѣгу; каждый далъ по удару, а кто хотѣлъ и по два».—Какъ, цѣлый караулъ?—«Цѣлая рота!»...—Это значитъ, что шляхтичъ, «досталъ въ скуру» по крайней мѣрѣ 200 розогъ, съ разбѣгу, т.-е. весьма тяжелыхъ. Мнѣ пріятно вспомнить, что ни я, ни Гагемейстеръ въ Ленчицѣ не прибѣгали ни разу къ розгамъ «для политическихъ расчетовъ» съ повстанцами. Но за жандармовъ не ручаюсь. Одинъ изъ нихъ, простой унтеръ-офицеръ, сопровождавшій какъ-то меня въ разъѣздахъ, получивъ отъ меня приказаніе разспросить одного кузнеца, куда они дѣли косы, которыя ковали для бандъ (я въ то время не говорилъ еще самъ по-польски), съ того началъ свой допросъ, что вытянулъ бѣднаго ковалу два раза нагайкой; вытянулъ бы вѣроятно и больше, если бы я немедленно не остановилъ его. Кавалеристы, особливо казаки, въ своихъ поискахъ за повстанцами тоже «охулки на руку не клали»

Чтобы заключить эти краткія замѣтки о моемъ трехмѣсячномъ участіи въ военно-полицейскомъ управленіи Польши, прибавлю еще нѣсколько словъ объ общей политической физіономіи этой страны въ эпоху, когда она готовилась пережить такой крупный политическій и соціальный переворотъ, какъ произведенный указами 19-го февраля 1864 года. Вѣдь то былъ дѣйствительный Finis Poloniae стараго закала, т.-е. Польши шляхетской, Польши средневѣковой, хотя и подновленной наполеоновскимъ кодексомъ. Мои наблюденія дѣлались, конечно, въ тѣсномъ кругу и очень недолгое время; поэтому выводы изъ нихъ не могутъ быть ни многочисленны, ни безусловно вѣрны; но зато, во 1-хъ, впечатлѣнія были непосредственны и, слѣдовательно, очень опредѣлительны, во 2-хъ, наблюденія совершались въ самомъ центрѣ исторической Польши, въ мѣстности, которую можно назвать типическою. Вѣдь не даромъ же ленчицкая шляхта издавна звалась кармази-

новою, т.-е. самою щегольскою, образцовою по своимъ шляхетнымъ обычаямъ, недаромъ и въ самой Ленчицѣ существуютъ остатки древнѣйшаго изъ всѣхъ замковъ королей польскихъ.

Прежде всего естественно поставить вопросъ: было ли патріотическое увлеченіе 1861—63 годовъ общимъ всему населенію Польши? Судя по тому, что въ бандахъ попадались «поляки моисеева закона», т.-е. евреи, народъ самый невоинственный по природѣ, можно бы думать, что *да*, что возстаніе было дѣломъ общимъ. Но я думаю, что *нѣтъ*, и вотъ на какомъ основаніи. Во 1-хъ, въ Польшѣ 1863 года, особенно въ западной ея половинѣ, жило уже нѣсколько сотъ тысячъ нѣмцевъ, которые не только не сочувствовали возстанію, но были прямо враждебны ему. Многіе изъ нихъ были перевѣшаны польскими жандармами и начальниками бандъ; другіе заявили настолько преданности русскому правительству, что, напр, въ калишскомъ отдѣлѣ генералъ Бельгардъ не побоялся вооружить ихъ противу повстанцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и притомъ не по собственному генеральскому почину, который могъ быть безтолковымъ, а по прямому ходатайству самихъ нѣмцевъ. Никто (послѣ войскъ) не доставилъ въ Ленчицу столько арестованныхъ повстанцевъ, какъ нѣмецкіе колонисты. Положимъ, что эти усердіе и преданность были не платоническими, не безкорыстными, а основанными на самолюбивомъ расчетѣ избавиться поскорѣе отъ поборовъ повстанцевъ и спокойно заняться промыслами; но тѣмъ хуже было для польскаго дѣла, если положительные, вседневные интересы части населенія Польши были въ коренномъ несогласіи съ интересами патріотовъ.—Во 2-хъ, кромѣ нѣмцевъ, у возстанія были противники и въ остальной массѣ населенія, напр., русины въ юго-восточной Польшѣ, державшіеся, впрочемъ, пассивно, много евреевъ и, что особенно важно, значительная доля крестьянъ, природныхъ поляковъ. Помѣщичій классъ, стоявшій во главѣ революціоннаго движенія, своимъ давнимъ эгоизмомъ такъ отучилъ отъ довѣрія къ себѣ сѣрую, крестьянскую массу, что она не шла за нимъ, и банды, какъ извѣстно, состояли главнымъ образомъ изъ горожанъ, шляхты и ея дворовыхъ людей. Хлоповъ брали въ косиньеры, но огнестрѣльное оружіе имъ выдавалось рѣдко, ибо не они составляли надежду вождей «народовыхъ силъ». И какъ могло быть иначе, когда организаторы и довудцы бандъ были исключительно шляхтичи, которые даже въ эти торжественныя минуты патріотическаго одушевленія, борьбы за свободу отечества, не забывали, что хлопъ—не болѣе, какъ рабочее быдло, и давали ему безпрестанно чувствовать это? Напрасно народовый жондъ издавалъ декреты

объ обращеніи крестьянскихъ земель въ собственность хлоповъ ихъ обрабатывавшихъ: крестьяне не вѣрили этимъ революціоннымъ постановленіямъ. Напрасно даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши помѣщики заявляли, что они за землю не берутъ больше чиншей и окуповъ: крестьяне, пожалуй, охотно пользовались этой льготою, но предугадывали, что паны рано или поздно, выйдутъ ли побѣдителями или побѣжденными, потребуютъ залеглости (недоимки) и въ послѣднемъ случаѣ не устыдятся даже обратиться «къ московскому наѣзду» за содѣйствіемъ ко взысканію недоплатъ.

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, ибо я помню случаи, что въ началѣ 1864 года нѣкоторые паны обращались ко мнѣ съ жалобами на неплатежъ крестьянами ихъ денежныхъ повинностей. И ничѣмъ такъ правительство не дошло помѣщиковъ и не возбудило сочувствія крестьянъ, какъ объявленіемъ въ указѣ 19-го февраля 1864 года, что недоимки въ помѣщичьихъ сборахъ слагаются съ крестьянства, такимъ образомъ, издержки шляхты на возстаніе пали исключительно на нее самое, а не на крестьянъ, на которыхъ однако же онѣ были бы непремѣнно переведены, если бы закона 19-го февраля не было.—Въ 3-хъ, не участвовало въ возстаніи, по крайней мѣрѣ лично, все магнатство, т.-е. высшее дворянство, которое попряталось то въ Варшаву, то за границу, а то даже въ Петербургъ. Напрасно мы стали бы искать въ спискахъ не только начальниковъ бандъ, но даже членовъ народоваго жонда Потоцкихъ, Замойскихъ, Радзивилловъ, Любомирскихъ и пр., и пр. Всѣ они «благоразумно», т.-е. попросту безчестно, удалились съ театра борьбы и если давали деньги на повстаніе, то потихоньку, дѣлая въ то же время сладкія улыбки русскимъ начальствамъ, а съ 1864 года и прямо называя передъ послѣдними революцію «глупствомъ». Такіе магнаты, какъ Урусскій, Колонтай, Сиг. Велепольскій, Радзивиллъ, Ржевусскій оставались даже прямо на русской службѣ или, по крайней мѣрѣ, въ числѣ посѣтителей намѣстническихъ салоновъ въ Варшавѣ. Какъ могли послѣ этого «борцы за ойчизну» вѣрить успѣху ихъ дѣла, я затрудняюсь себѣ объяснить. И если поляки назовутъ мнѣ Чарторыйскаго, который не побоялся открыто представлять революціонную Польшу передъ лицомъ Европы, то на это я отвѣчу, что все же онъ самъ на театрѣ борьбы не появлялся и даже молодыхъ членовъ своей семьи туда не посылалъ, а что, если агитировалъ въ Парижѣ, то всякому извѣстно, что это дѣлалось лишь въ надеждѣ изъ хозяина отеля Ламберъ стать властителемъ королевскаго замка въ Варшавѣ. Сапѣги, Дзюдушинскіе, Ледоховскіе и другіе «свободные» сыны

Польши, не задавленные «московскимъ наѣздомъ», были ли хоть разъ, не говорю на поляхъ битвъ, а только «въ лѣсу»? Никто объ этомъ ничего и никогда не слыхалъ, а дрались разные Ляндовскіе, Франковскіе, Сѣраковскіе, Падлевскіе, Лянгевичи, Сыревичи, Брусоски и т. п. мелкіе шляхтичи, ксендзы, доктора, студенты, ремесленники. Про ордината Константина Замойскаго разсказывали, что онъ намѣренно во время возстанія нанималъ по нѣскольку дешевыхъ квартиръ, въ два, три франка или шиллинга, въ Парижѣ и Лондонѣ, чтобы скрываться отъ агентовъ народоваго правительства, которые желали съ него, владѣльца 90000 крестьянъ, взять извѣстную лепту на дѣло родины. А либеральный графъ Браницкій, поддерживавшій въ 1848 году Прудона и другихъ французскихъ «красныхъ», въ 1863—64 годахъ прехладнокровно занимался спекуляціями на парижской биржѣ, какъ самый послѣдній изъ «синихъ» или «бѣлыхъ», которымъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ на родинѣ, за что льется тамъ кровь.

Такимъ образомъ для всякаго спокойно мыслившаго человѣка уже съ конца 1863 года было ясно, что вооруженной борьбы между поляками и русскими больше не можетъ быть, по крайней мѣрѣ борьбы серьезной. Силъ возставшаго края достало на вспышку 1863 года, но онѣ быстро пришли въ истощеніе. И напрасно Траугутъ пытался возбудить ихъ вновь, организовать и приготовить къ нанесенію новыхъ ударовъ русскимъ весною 1864 года: читая литографированные «приказы по 2-му корпусу народовой арміи» поставленнаго жондомъ корпуснаго командира Босака, я еще въ январѣ смѣялся надъ этой фанфаронадой, имѣвшей очевидно цѣлью дурачить нѣкоторыхъ нашихъ трусливыхъ властей и, пожалуй, еще вводить въ заблужденіе относительно силъ повстанцевъ кое-какія западно-европейскія... не правительства, конечно, а націи и журналистику. Соотвѣтственно этой увѣренности я и дозволялъ себѣ съ довольно спокойною совѣстью то, что инымъ могло казаться послабленіемъ. Какъ человѣкъ, прибывшій съ Кавказа и слѣдовательно не имѣвшій *личныхъ* поводовъ къ озлобленію на поляковъ, я вообще сразу сталъ на нѣсколько иную точку зрѣнія на совершившіяся событія, чѣмъ, наприм., мои сосѣди: на сѣверѣ Шварцъ, прославившійся жестокостью наказаній повстанцевъ нагайками, и на югѣ Брелуенъ, который ихъ же далъ не только физически, но и экономически, обыгрывая въ карты, беря просто взятки деньгами, мебелью и т. п.

Шварцъ былъ укротителемъ влоцлавскаго и кутновскаго уѣздовъ, гдѣ царилъ Витгенштейнъ, пресловутый авторъ статьи

о пользѣ тѣлесныхъ наказаній въ арміи, которая вызвала протестъ 106 офицеровъ противъ редакціи «Военнаго Сборника». Брелуенъ, военно-уѣздный начальникъ въ Лодзи, драль не только обитателей этой мѣстности, но даже успѣлъ перепороть моихъ, ленгицкихъ евреевъ, за шитье повстанцамъ обмундировки, для чего и вытребовалъ ихъ поименно, будто бы для свидѣтельства по одному важному дѣлу. Бѣдные евреи были ужасно разсержены этою экстерриторіальностью наказанія; да и порка была «отмѣнная».

Я вовсе не придирался къ лицамъ, носившимъ народовую жалобу (трауръ), не отказывалъ по возможности никому въ паспортахъ, позволялъ многимъ арестованнымъ вмѣсто тюрьмы жить въ гостиницѣ (откуда ни одинъ не ушелъ), не сѣкъ арестантовъ за ихъ проступки въ тюрьмѣ, а тѣмъ болѣе за участіе въ возстаніи; безъ проволочекъ выдавалъ виды на свободное проживаніе повстанцамъ, являющимся ко мнѣ добровольно; не заставлялъ ждать подолгу въ пріемной просителей; когда приходилось брать въ пользу казны штрафы, назначалъ ихъ въ умѣренномъ размѣрѣ и предлагалъ самому штрафованному записывать ихъ въ шнуровую книгу (чтобы они не могли потомъ говорить, что я взялъ больше записаннаго). Кажется это не Богъ знаетъ что, а результатомъ было полное спокойствіе въ ленчицкомъ уѣздѣ, въ которомъ за мое время не появилось ни одной, самомалѣйшей повстанской шайки, не было ни одного случая политическихъ убійствъ со стороны народовыхъ мстителей за измѣну народовому дѣлу, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши банды существовали даже весною 1864 года, а зимою такъ и дрались съ нашими войсками. Ergo моя система была недурна; но примѣнима ли она была ко всему взволнованному краю, я не возьму на себя смѣлости рѣшить по незнанію всѣхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Быть можетъ и нѣтъ.

М. Венюковъ.